

Лебедев А. П. Взгляд графа Л. Н. Толстого на историческую жизнь Церкви Божией: (Из университетских лекций по истории Церкви): [По поводу его книги «Разрушение ада и его восстановление»] // Богословский вестник 1904. Т. 1. № 1. С. 42–74 (3-я пагин.). (Окончание.)

Взглядъ графа Л. Н. Толстого на историческую жизнь Церкви Божіей.

(Изъ университетскихъ лекцій по Исторіи Церкви).

II.

Въ предшествующихъ замѣчаніяхъ мы старались подвергнуть разбору ту часть сочиненія Толстого, въ которой онъ описываетъ, по его терминологіи „разрушеніе ада“, т. е. наступленіе на землѣ царства правды и добра. Теперь мы перейдемъ къ разсмотрѣнію другой части того же сочиненія, въ которой онъ изображаетъ „возстановленіе ада“, т. е. прекращеніе царства добра и замѣну его новымъ царствомъ всякой неправды и зла на землѣ. Въ разсужденіяхъ его, представляющихъ нѣчто въ родѣ философіи церковной исторіи, по этому послѣднему вопросу нужно различать двѣ стороны: во первыхъ онъ говоритъ объ обстоятельствахъ, подготовившихъ религіозную катастрофу, и во 2-хъ, мрачными красками рисуетъ то, въ чемъ выразилась эта неожиданная (точнѣе бы сказать: небывалая) катастрофа.

Итакъ, какія обстоятельства, по мнѣнію Толстого, подготовили указанную катастрофу въ положеніи христіанства? Такихъ обстоятельствъ онъ знаетъ два: возникновеніе нѣкоторыхъ споровъ между христіанами, въ которыхъ они стали забывать о своихъ братскихъ отношеніяхъ, и появленіе между ними же странной претензіи доказывать истинность тѣхъ или другихъ религіозныхъ воззрѣній посредствомъ совершенія чудесъ; это послѣднее обстоятельство тѣмъ позорнѣе, съ точки зрѣнія Толстого, что чудеса уве-

личили распри между христіанами, потому что возникли бурныя споры о томъ, чьи чудеса настоящія: тѣхъ ли лицъ, которыя утверждаютъ одно или тѣхъ, которыя поддерживаютъ что-либо другое?

Изъ споровъ между христіанами древности, Толстаго возмущаютъ въ особенности споры какъ о томъ: обязательно ли для христіанъ принятіе обрѣзанія, освященнаго ветхимъ заветомъ, или же необязательно? а также о томъ, позволено христіанину ѣсть идоложертвенныя приношенія, т. е. долженъ ли онъ смотрѣть на нихъ, какъ на обыкновенную пищу или же долженъ бояться ѣсть ихъ, опасаясь оскверненія христіанской души?

Но прежде чѣмъ коснуться этихъ споровъ, какъ Толстой называетъ вопросы, возникшіе въ средѣ древнихъ христіанъ объ обрѣзаніи и идоложертвенномъ, коснуться ихъ по существу, замѣтимъ: ничего удивительнаго не было бы въ томъ, если бы эти споры оказались и шумны и бурны. Въ то время, когда іудейство было въ полной силѣ и когда язычество господствовало почти въ цѣломъ мірѣ, вопросы: объ обрѣзаніи, которое нужно было отмѣнить, и объ идоложертвенномъ, которое напоминало христіанамъ о культѣ бѣсовскомъ (1 Кор. 10, 20—21), естественно могли волновать умы христіанъ. Но къ величайшей чести христіанъ вопросы эти дебатировались очень тихо, и споры носили, какъ принято выражаться, характеръ академическій, т. е. вполне дозволительный. А главное, эти споры отнюдь не вели къ развитію вражды между христіанами, какъ хочетъ того Толстой. Да и едва-ли въ нихъ участвовали многіе христіане: они привлекали вниманіе лишь руководителей христіанства. Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ, какъ происходили эти споры? Споръ объ обрѣзаніи возникъ въ Антиохіи, какъ кажется незадолго до 52 года, времени собора апостольскаго. Писатель книги „Дѣяній“ рассказываетъ: „нѣкоторые пришедши изъ Іудей, т. е. Іерусалима, учили братьевъ антиохійскихъ: если не обрѣжетесь по Моисееву обряду, не можете спастись“. Апостоль Павелъ, бывшій въ это время въ названномъ городѣ, и его спутникъ Варнава вопреки такихъ пришельцевъ, говорили обратное. Между ними, т. е. между Павломъ и этими послѣдними, по выраженію писателей „Дѣяній“, „произошло немалое состязаніе“ (15, 1—2), дѣйствительно

„состязаніе и немалое“: вѣдь вопросъ былъ очень новъ и очень важенъ, а главное, да вѣдь все дѣло этимъ и ограничилось. Затѣмъ вскорѣ же происходилъ соборъ Апостольскій, на которомъ съ полною авторитетностію и однажды навсегда опредѣлено: „не затруднять обращающихся изъ язычниковъ“ въ христіанство обязательнымъ требованіемъ обрѣзываться по закону ветхозавѣтному (15, 19). Послѣ этого весь вопросъ оказывался исчерпаннымъ. Правда этотъ вопросъ и впослѣдствіи подымался въ нѣкоторыхъ языческихъ общинахъ, переходившихъ въ христіанство; но достаточно было нѣ котораго разъясненія его со стороны авторитетныхъ лицъ—и наступалъ опять миръ. Такъ было въ Галатіи и Римѣ. Въ Галатіи, по словамъ апостола Павла, среди новообращенныхъ христіанъ появились какіе-то „смутотворцы“ и „возмутители“ (Гал. 5, 10. 12), которые утверждали, что безъ обрѣзанія нельзя обойтись; но апостоль раскрылъ галатамъ, что „если они обрѣзываются, то не будетъ имъ никакой пользы (въ этомъ) отъ Христа“ (5, 2), и требовалъ, чтобы смутотворцы были удалены изъ среды галатійскихъ христіанъ (5, 12), что безъ сомнѣнія и было исполнено. Мы не видимъ такимъ образомъ никакихъ споровъ здѣсь изъ-за обрѣзанія. Было искушеніе со стороны какихъ-то лицъ іудействующаго характера—и только. О появленіи же какой-либо вражды между христіанами изъ-за вопроса нѣтъ и помину. Умѣстно еще отмѣтить, что смутотворцы, склонявшіе Галатовъ принимать обрѣзаніе, указывали послѣднимъ не столько догматическое, сколько повидимому практическое значеніе для нихъ этого ветхозавѣтнаго обряда. Апостоль пишетъ: „желающіе хвалиться по плоти (т. е. поборники обрѣзанія), принуждаютъ васъ обрѣзываться только для того, чтобы (вамъ) не быть гонимыми за крестъ Христовъ“ (6, 12). Если не ошибаюсь, это значитъ, что соблазнители совѣтовали новообращеннымъ запечатлѣть себя обрѣзаніемъ для того, чтобы избавиться гоненій со стороны язычниковъ, ибо извѣстно, что приверженцы іудейской религіи пользовались толерантносію по законамъ римскимъ. И такимъ образомъ соблазнители предлагали новообращеннымъ въ сущности лазейку, благодаря которой они могли считаться іудеями, хотя они и были подлинными христіанами, и обманывать бдительность римлянъ, покрови-

тельственно относившихся лишь къ политеизму и іудаизму. Если мы правильно понимаемъ приведенный текстъ Павла ¹⁾, то само собою разумѣется, что у галатійскихъ христіанъ, приклонившихъ было свой слухъ въ послушаніе іудаизма, и быть не могло съ кѣмъ-либо религіознаго спора изъ-за ветхозавѣтнаго кроваваго акта. Такъ было въ Галатіи; еще менѣе споровъ изъ-за этого акта можно находить въ Римѣ, къ христіанамъ котораго по какому-то поводу апостоль обращался съ своими разсужденіями о тщетѣ обрѣзанія. По какому поводу Павелъ писалъ къ Римлянамъ, выражая свои евангельскія мысли объ этомъ обрядѣ—неизвѣстно. Думаю, что поводъ былъ отдаленный и проблематическій: всемірная столица не имѣла счастія услышать первую проповѣдь о Христѣ отъ кого-либо изъ апостоловъ. Предполагаютъ, что какой-нибудь римскій іудей (а такихъ было много), посѣтивъ Палестину, принявъ христіанство отъ апостоловъ во Іерусалимѣ, а возвратившись въ Римъ насадилъ его въ сердцахъ жителей этого города, распространивъ новое ученіе не только между своими единовѣрцами, но и между язычниками. Что удивительнаго, если этотъ насадитель или насадители, если ихъ было болѣе одного, проповѣдуя Христа, въ тоже время внушаль новообращеннымъ изъ язычниковъ, что усвоив христіанство, не слѣдуетъ пренебрегать „обрѣзаніемъ“, которое узаконено самимъ Іеговою? Очень возможно, что Павелъ слышалъ объ этомъ поступкѣ іудействующихъ христіанъ въ Римѣ, и потому, при написаніи посланія къ римлянамъ, воспользовался представившимся случаемъ преподавать наставленіе тѣмъ изъ нихъ, кто прельщались іудейскою законностію, и увѣрить ихъ, что рядомъ съ крещеніемъ водой нѣтъ мѣста еще для другого крещенія ножомъ. Павелъ писалъ: „не тотъ іудей, кто таковъ по наружности и не то (истинное) обрѣзаніе, которое наружно, на плоти; но тотъ Іудей, кто внутренно таковъ и то (истинное) обрѣзаніе, которое въ сердцѣ, по духу, а не по буквѣ“ (2, 29; 3, 1—2). Вотъ и все. Гдѣ же здѣсь споръ изъ-за мертвѣющаго обряда? Его не видно.

¹⁾ Возможны и другія толкованія этого текста. Такъ проф. Н. Н. Глубоковскій понимаетъ его иначе: „Обзоръ послан. къ галат.“, 141 — 143. Спб. 1902.

Всѣмъ извѣстный громовой лозунгъ Павла: „нѣсть Юдей, ни Еллинъ, вси бо вы едино есте о Христѣ“ (Гал. 3, 28) навѣки положилъ конецъ спорамъ о „преимуществахъ“ (Рим. 3, 2) ветхозавѣтнаго обрѣзанія.

Разсмотримъ другой споръ, на который Толстой смотритъ какъ на туманную зарю имѣющаго за тѣмъ наступить царства зла, царства сатаны, которое художникъ выдумалъ подъ вліяніемъ своей мрачной фантазіи. Разумѣемъ споръ объ идоложертвенныхъ яствахъ, хотя въ сущности это былъ споръ такъ сказать безъ лицъ спорившихъ. Но что такое идоложертвенныя яства, и какое отношеніе могли имѣть къ нимъ христіане? Подъ идоложертвенными яствами нужно разумѣть все съѣстное, что фигурировало какъ приношеніе въ честь боговъ, мясо, вино, хлѣбъ, фрукты и т. п., язычники были щедры по этой части. Приносимаго на языческіе алтари часто бывало такъ много, что приноситель приглашалъ своихъ родныхъ, друзей и знакомыхъ на религіозный пиръ, въ составъ котораго входили главнымъ образомъ яства. побывавшія на жертвенникѣ и освященныя идольскимъ жрецомъ. Такія пиршества происходили или въ капищѣ (что съ тогдашней точки зрѣнія не представляло ничего зазорнаго, т. е. не считалось какимъ-либо оскорбленіемъ для храма (1 Кор. 8, 10) или въ языческихъ домахъ, гдѣ были тоже жертвенники, на которые возлагались приношенія для освященія (—10, 27); мало того: возможны были случаи, что жрецы, получая свои доли отъ идоложертвенныхъ яствъ, за ненадобностію продавали ихъ на торжищахъ ¹⁾. Въ первыхъ двухъ случаяхъ, христіане могли находиться въ числѣ гостей хозяина-язычника и были угощаемы главнымъ образомъ, а можетъ быть и исключительно идоложертвеннымъ; въ послѣднемъ же изъ указанныхъ нами случаевъ христіанинъ, покупая съѣстное на рынкѣ, могъ по ошибкѣ купить идоложертвеннаго: этотъ случай впрочемъ не такъ важенъ и мы не будемъ принимать его во вниманіе при дальнѣйшей нашей рѣчи. Апостольская церковь совѣтовала христіанамъ избѣгать вкушенія идоложертвеннаго; такъ соборъ апостольскій 52 года постановляетъ, чтобы христіане береглись идо-

¹⁾ Проф. М. Голубева. „Обозрѣніе послан. Ап. Павла къ коринѳянамъ. стр. 172—173. Спб. 1861.

ложертвеннаго (Дѣян. 15, 20, 29). Повидимому, всё общества христіанскія древняго времени послушно слѣдовали этому апостольскому совѣту. Исключенія представляли лишь коринѣскіе христіане, или потому, что они точно не знали о постановленіи сказаннаго собора, или же потому, что они были очень своевольны, какъ это видно и изъ другихъ поступковъ этихъ христіанъ. Нѣкоторые изъ нихъ, являясь въ качествѣ гостей языческихъ устроителей пировъ, будутъ ли то въ капищѣ или въ домѣ, смѣло и рѣшительно, наравнѣ съ язычниками,* принимали въ пищу идоложертвенное; другіе изъ христіанъ, присутствовавшихъ на тѣхъ же пиршествахъ, хотя и очень стѣснялись употреблять идоложертвенныя яства, однакожъ набравшись храбрости, по примѣру смѣлыхъ своихъ единовѣрцевъ, то же ѣли идоложертвенное. Такое положеніе вещей побудило апостола сказать свое авторитетное слово. Павелъ, какъ лицо, присутствовавшее на Апостольскомъ соборѣ, прекрасно зналъ опредѣленіе этого собора, но тѣмъ не менѣе не рѣшился прямо пресѣчь обычай, установившійся среди коринѣскихъ христіанъ. Онъ внушалъ: „мы знаемъ, что идолъ ничто; но не у всѣхъ такое знаніе“; есть, рассуждаетъ онъ, и такіе, которые не считаютъ идола за „ничто“, а за нѣчто обладающее какою-то силою, и потому, вкушая идоложертвеннаго, они боятся оскверненія.—Поэтому апостоль совѣтуетъ смѣлымъ христіанамъ щадить совѣсть немощныхъ братій (1 Кор. 8, 4—12) и даетъ слѣдующее предписаніе: „если кто изъ невѣрныхъ позоветъ васъ, то все предлагаемое вамъ ѣшьте, безъ всякаго изслѣдованія; но если кто изъ христіанъ скажетъ вамъ: это идоложертвенное, не ѣшьте ради того, кто объявилъ вамъ и ради (своей) совѣсти“ (—10, 27—28).—Но гдѣ тутъ споръ и гдѣ споряшіе? Нѣтъ ни спора, ни спорящихъ. Христіане не спорятъ между собою и Павелъ не споритъ съ ними. Последній спокойно рѣшаетъ одинъ изъ текущихъ вопросовъ тогдашней религіозной практики.

Между тѣмъ Толстой, принимая во вниманіе вышеизложенныя споры объ обрѣзаніи и идоложертвенномъ, которые и спорами могутъ быть наименованы лишь съ большею натяжкою, торжественно объявляетъ: изъ-за нихъ-то христіане „ожесточились другъ противъ друга“. Но откуда онъ знаетъ это? Исторія ничего такого не показываетъ. Приходится до-

пустить, что писатель взялъ это „ожесточеніе“ изъ собственной фантазіи. А подобный результатъ споровъ ему понадобился для того, чтобы доказать ту тенденціозную мысль, что будто съ теченіемъ времени появились въ христіанскомъ обществѣ обстоятельства, подготовлявшія какъ онъ выражается „возстановленіе ада“!

Какъ мы указали выше, вторымъ историческимъ моментомъ, подготовлявшимъ христіанскую жизнь къ сей часъ упомянутой катастрофѣ—были чудеса, по сужденію Толстого. Онъ пишетъ, выставляя говорящимъ вмѣсто него знаменитаго діавола въ пелеринкѣ: „я сталъ внушать тѣмъ и другимъ (т. е. спорившимъ), что они могутъ доказывать истинность своего ученія (въ спорахъ) чудесами. Они повѣрили мнѣ и я устроилъ имъ чудеса. Устроить это было не трудно. Они всему вѣрили, что подтверждало ихъ желаніе однимъ быть въ истинѣ“. Въ приведенныхъ словахъ. Толстой, по примѣру іудеевъ, утверждавшихъ, что Христосъ совершалъ чудеса силою Вельзевула, выражаетъ мысль, что и христіане стали творить чудеса силою дьявола, но только онъ эту честь приписываетъ второстепенному дьяволу, слугѣ Вельзевула, дьяволу въ пелеринкѣ. Мы однакожь не должны думать, что въ самомъ дѣлѣ, по мнѣнію знаменитаго писателя, этотъ злой духъ научилъ христіанъ устроить чудеса. Толстой не вѣритъ въ бытіе міра злыхъ духовъ: дьяволъ въ настоящемъ случаѣ есть лишь персонификація. Персонификація эта означаетъ лишь то, что христіане, прибѣгая къ чудесамъ, и сами обманывались и обманывали другъ друга. Здѣсь, конечно, не мѣсто разсуждать о достовѣрности и благодатномъ происхожденіи христіанскихъ чудесъ, а потому мы оставимъ эту задачу въ сторонѣ и пойдемъ принятымъ нами путемъ историческимъ. Приведенная тирада Толстого, касающаяся чудесъ, настолько безсодержательна, что мы ограничимся самыми краткими замѣчаніями по ея поводу. Мы рѣшительно отрицаемъ, что чудеса древне-христіанскихъ временъ, точнѣе апостольскаго вѣка, появились съ цѣлю брать верхъ въ спорахъ однихъ представителей христіанскаго ученія предъ другими. При этомъ можно допускать, что чудеса появились ранѣе возникновенія какихъ-бы то ни было споровъ въ первохристіанскомъ мірѣ,—говоримъ: можно допускать и это даже въ

томъ случаѣ, если ставъ на точку зрѣнія гиперкритикановъ—исслѣдователей, къ какимъ, конечно, принадлежитъ и Толстой, будемъ обходиться безъ помощи книги „Дѣяній“, которую отрицательная критика относитъ къ числу не совсемъ достовѣрныхъ произведеній христіанской древности. Разумѣется, это послѣднее мы дѣлаемъ, для того, чтобы избѣгнуть упрека въ неравномѣрности оружія нашего и нашихъ противниковъ. Мы построимъ нашу оппозицію Толстому лишь на такихъ посланіяхъ Павла, которыя признаются и самою отрицательною критикою за подлинныя и достовѣрныя. Въ посланіи къ римляномъ этотъ апостоль говоритъ: „я не осмѣлюсь сказать, что-либо такое, чего не совершилъ Христосъ чрезъ меня, въ покореніи язычниковъ, словомъ и дѣломъ, силою знаменій и чудесъ“ и т. д. (—15, 18—19). Изъ приведенныхъ словъ Павла открывается, что чудесами онъ сталъ пользоваться и пользовался лишь для распространенія христіанства между язычниками, между язычниками, съ которыми, конечно, у него не могло возникнуть никакихъ споровъ, въ родѣ тѣхъ, какіе описаны были выше. Тоже находимъ и въ другомъ посланіи Павла, именно во 2-мъ къ коринѣяномъ. Апостоль языковъ пишетъ: „признаки апостола (т. е. признаки того, что онъ былъ дѣйствительнымъ апостоломъ) оказались предъ вами всякимъ терпѣніемъ, знаменіями, чудесами и силами“ (12, 12). И здѣсь Павелъ удостовѣряетъ, что чудеса онъ творилъ предъ язычниками—коринѣянами, единственно для того, чтобы доказать, что онъ посланъ къ нимъ для распространенія христіанской вѣры, при чемъ нѣтъ рѣчи о томъ, что онъ употребляетъ чудеса и въ спорахъ для подтвержденія истинности его ученія, а не для подтверженія только его апостольства. Въ другомъ посланіи къ коринѣянамъ апостоль упоминаетъ и о чудесахъ, совершаемыхъ прочими вѣрующими. Перечисляя дары, которыя раздаются Духомъ святымъ, онъ замѣчаетъ, что „иному (даруются) чудотворенія, иному пророчество, иному различеніе духовъ, иному разные языки“ (1 Кор. 12, 10). Апостоль точно не указываетъ, при какихъ условіяхъ коринѣскіе христіане пользовались принадлежащимъ имъ даромъ „чудотвореній“; поэтому вмѣсто того, чтобы пускаться въ область догадокъ, сдѣлаемъ по аналогіи слѣдующее заключеніе: коринѣяне пользовались своимъ да-

ромъ для той же цѣли, съ которой прибѣгаль къ чудесамъ апостоль языкъ—съ цѣлю обращенія язычниковъ къ вѣрѣ Христовой. Замѣтимъ еще, что Павелъ, говоря о чудесахъ, имъ совершенныхъ, не указываетъ, съ какого именно времени сталъ онъ творить ихъ, и тѣмъ наводитъ на мысль, что чудеса всегда составляли принадлежность его апостольской дѣятельности, значить: прежде чѣмъ поднялся какой-либо споръ между христіанами.

Сейчасъ разобранной тирадой Толстой однакожь не ограничиваетъ свое кощунство надъ чудесами христіанскими, онъ еще прибавляетъ: пустившись въ чудеса, одни изъ доказавшихъ истинность своего ученія этимъ способомъ, „говорили про другихъ: чудеса ваши не настоящія, наши настоящія, а тѣ говорили про этихъ: нѣтъ, ваши не настоящія, а наши настоящія. Дѣло шло хорошо“, иронизируетъ Толстой устами дьявола. Такимъ образомъ, однимъ изъ условій, подготовлявшихъ, имѣвшее будто-бы послѣдовать, паденіе царства Божія, по увѣренію нашего писателя, было появленіе состязаній христіанъ на чудесахъ, споръ о томъ: у кого изъ двухъ препирающихся сторонъ истинныя чудеса, хотя они (чудеса) на дѣлѣ были ложными у всѣхъ.— На какіе историческіе факты онъ хочетъ здѣсь указать, мы затрудняемся понять. Одно несомнѣнно: въ вѣкѣ апостольской не имѣло мѣста состязаніе спорящихъ между собою христіанъ объ истинныхъ и не истинныхъ чудесахъ. Болѣе или менѣе ясныя указанія на подобное явленіе находимъ лишь въ литературѣ II вѣка, но и эти указанія не имѣютъ того смысла, который такъ нуженъ Толстому. Разсмотримъ эти указанія, тѣмъ болѣе, что они немногочисленны и удобовразумительны. Одинъ изъ подходящихъ къ изучаемому случаю фактовъ отмѣченъ въ сочиненіи св. Иринея Ліонскаго (II вѣк.). Вотъ что у него рассказывается: былъ одинъ лежучитель, гностикъ Маркъ. Его (всегда окружалъ сонмъ поклонниковъ и поклонницъ; эти послѣднія, такъ сказать маркосіанки, служили ему и душой и своимъ тѣломъ. Онъ самъ или же сами маркосіанки въ его присутствіи совершали Евхаристію, при чемъ происходили слѣдующія немудрыя чудеса: чаши, наполненныя бѣлымъ виномъ, подверглись метаморфозѣ: вино дѣлалось въ нихъ краснымъ или багровымъ; или же: Маркъ приказывалъ своимъ поклонни-

намъ переливать вино изъ малой чаши въ большую, при чемъ какимъ-то образомъ большая чаша становилась полною, хотя ее наливали виномъ изъ меньшей чаши. Св. Иринеи ни минуты не сомнѣвался, что чудеса эти—вздорь. То есть онъ заявлялъ, что чудеса эти не настоящія ¹⁾. Что чудеса Марка сущій вздорь, это подтверждаетъ и извѣстный Ренанъ, называющій продѣлки еретика фокусами, которые устроились при помощи какой-то химической реакціи. Но и этотъ рассказъ Иринея не даетъ того, что такъ нужно Толстому. У христіанъ не происходитъ состязанія съ Маркомъ изъ-за истинности чудесъ. Христіане и св. Иринеи отвергаютъ чудодѣйство еретика, вовсе не считая себя обязанными противопоставить его чудесамъ свои чудеса.—Гораздо болѣе на руку Толстому другой рассказъ о чудесахъ истинныхъ и неистинныхъ, рассказъ, находящійся въ апокрифическомъ произведеніи конца II-го же вѣка, подъ заглавіемъ „Дѣянія Петра“ (т. е. апостола Петра: Acta Petri). Передадимъ этотъ рассказъ, передадимъ его съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что наконецъ-то Толстой, повидимому, можетъ опереться въ своихъ разсужденіяхъ на фактъ, записанный въ такомъ древнемъ христіанскомъ сочиненіи и относящійся къ вѣку апостольскому. Это было въ Римѣ. Однажды ночью является Христосъ апостолу Петру и обѣщаетъ ему, что въ ближайшій субботній день онъ—Петръ (будетъ вести нѣкую борьбу, сотворитъ много знаменій и чудесъ, вслѣдствіе чего множество народа обратится къ вѣрѣ. Дѣйствительно въ назначенный день у Петра произошла борьба съ Симономъ волхвомъ. Дѣло было такъ: послѣ обмѣна рѣчами Петра съ Симономъ, городской префектъ Агриппа привелъ одного изъ своего малолѣтнихъ рабовъ и приказалъ Симону, чтобы онъ умертвилъ мальчика, а Петру, чтобы онъ воскресилъ убитаго. Приказаніе префекта тѣмъ и другимъ было исполнено въ точности. Затѣмъ апостоль воскресилъ еще сына вдовицы; за тѣмъ мать одного скончавшагося сенатора просила его возвратитъ къ жизни ея умершаго сына. Петръ склонился на ея просьбу и разрѣшилъ привести покойника, и когда это было сдѣлано, онъ сказалъ собравшемуся народу: пусть онъ, народъ, самъ теперь

¹⁾ Противъ ересей, кн. I, гл. 13.

рѣшить—кто изъ двоихъ: Петръ или Симонъ имѣютъ дѣйствительную вѣру въ живого Бога; при чемъ апостоль объявилъ, что сначала пусть попытается воскресить умершаго Симонъ, а когда ему не удастся это, чудо совершитъ самъ Петръ. Симонъ на предложеніе возвратить жизнь умершему, отвѣчалъ слѣдующимъ предложеніемъ народу: согласны ли вы изгнать Петра изъ Рима, если увидите, что я воскресилъ мертваго? Народъ отвѣчалъ: мы не только согласны изгнать его, но мы рѣшились даже сжечь его въ ту же минуту. Тогда Симонъ волхвъ приближается къ головѣ умершаго, трижды надъ нимъ восклоняется и показываетъ народу, что мертвецъ начинаетъ шевелиться, поднимаетъ голову и открываетъ глаза. Толпа хочетъ предать Петра огненной смерти, но онъ обращается къ народу съ словомъ и говоритъ, что напрасно они вѣрятъ обманщику: пусть мертвецъ встанетъ и заговоритъ, если онъ въ самомъ дѣлѣ ожилъ, объявляя апостоль. Въ это время префектъ Агриппа взялъ за руку Симона и отвелъ его отъ одра; когда онъ это сдѣлалъ, то увидѣлъ, что мертвецъ опять сталъ недвижимъ. Понявшая свой обманъ, толпа хотѣла было сейчасъ же возвести Симона на костеръ и сжечь, но Петръ принялъ всѣ мѣры, чтобы отклонить народъ отъ такого намѣренія. Затѣмъ онъ самъ подошелъ къ одру мертвеца, сталъ молиться, коснулся боковъ умершаго и приказалъ ему встать, и вотъ этотъ послѣдній поднялся съ постели, заговорилъ и сталъ ходить. Послѣ этого Петръ обратился къ народу съ увѣщаніемъ покинуть идолопоклонство и сотворилъ много чудесъ. Далѣе рассказывается, что хотя Симонъ волхвъ и былъ побѣжденъ, но онъ чрезъ нѣсколько времени снова появляется среди народа и обѣщаетъ на этотъ разъ одолѣть апостола. Но такъ какъ народъ не хотѣлъ, чтобы его вторично одурачили, то Симонъ наконецъ объявилъ римлянамъ, что онъ на слѣдующій день покажетъ свою чудодѣйственную силу и вознесется на небо къ своему отцу. На другой день собралась огромная толпа народа, чтобы видѣть его полетъ. Симонъ воззвалъ къ толпѣ, что онъ теперь на глазахъ всѣхъ поднимается къ своему Богу, и дѣйствительно понесся надъ храмами и городскими холмами. Но въ это время Петръ началъ умолять Господа, чтобы Онъ позволилъ Симону низвергнуться на землю, но такъ, чтобы этотъ не

потерпѣлъ смерти, а сломалъ бы себѣ ногу. Симонъ падаетъ на землю, ударяется объ камень и разшибаетъ себѣ ножную кость на три части. Затѣмъ его кладутъ на носилки, оперируютъ ему ногу, но онъ умираетъ ¹⁾. Вотъ разсказъ о состязаніи на чудесахъ. Но Толстому онъ оказываетъ мало помощи, потомучто разсказъ изобрѣтенъ еретиками-гностиками и не находилъ себѣ вѣры въ сердцахъ православныхъ людей. Это и не удивительно: православные люди знали и читали истинный разсказъ о Симонѣ волхвѣ, заключающійся въ книгѣ „Дѣяній“ и не имѣющій ничего общаго съ приведеннымъ, въ особенности по части соперничества въ чудотвореніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ главныя черты повѣствованія книги „Дѣяній“ объ этомъ лицѣ. Симонъ жилъ въ Самаріи и совершалъ разныя чудеса посредствомъ волхвованія. Но когда множество самарянъ приняло крещеніе отъ апостола Филиппа, то крестился и Симонъ. Затѣмъ, когда потомъ апостолы Петръ и Іоаннъ чрезъ возложеніе рукъ сообщили дары Духа св. новокрещеннымъ, тогда и Симонъ захотѣлъ обладать даромъ сподоблять Духа св., почему онъ и обратился къ названнымъ апостоламъ съ просьбой продать ему эту власть. Но Петръ обличилъ его и приказалъ ему покаяться, что и сдѣлалъ Симонъ; тѣмъ дѣло и кончилось (Дѣян. 8, 9—24). Вообще мы усматриваемъ, что надежды Толстого и на этотъ разъ не оправдались.

Такимъ образомъ мы пересмотрѣли всѣ факты, на которые ссылается онъ для доказательства мысли, что будто бы была такая пора въ древней исторіи христіанства, когда появились грозные признаки имѣющаго вскорѣ послѣдовать паденія блаженнаго царства Христова. Такой поры не было и такихъ признаковъ не оказывается. Ради своей тенденціи онъ изказилъ, извратилъ и истолковалъ факты, вопреки ихъ природѣ и подлинному смыслу.

Одинъ изъ самыхъ неизвинительныхъ недостатковъ, уже рассмотрѣнныхъ нами частей сочиненія Толстого, составляетъ хронологическая путаница въ нихъ, превращающая работу этого писателя въ хаосъ. Дѣло въ слѣдующемъ: для его тенденціозныхъ цѣлей необходимо было, чтобы сначала,

¹⁾ Couard. *Altehrstliche Sagen über das Leben der Apostel*. Въ *Neue kirchl. Zeitschrift*, 1903. S. 657—658.

въ первый періодъ христіанской исторіи все было превосходно, но чтобы затѣмъ во второй періодъ тойже исторіи уже наступилъ угрожающій печальными послѣдствіями кризисъ. Для того, чтобы оправдать это дѣленіе давней христіанской исторіи на два періода: самолучшій и хирѣющій, ему необходимо было имѣть во своемъ распоряженіи факты, дѣйствительно относившіеся къ двумъ періодамъ времени, слѣдовавшимъ одинъ за другимъ. Но имѣлъ ли въ самомъ дѣлѣ Толстой въ своемъ распоряженіи факты, принадлежащіе къ двумъ разнымъ періодамъ времени? Отнюдь, нѣтъ. Онъ очень предусмотрительно поступилъ, когда ни счелъ нужнымъ обмолвиться ни единымъ словомъ о томъ, какіе вѣка или года обнимаютъ первый его періодъ и какіе—второй. Толстой, какъ птица страусъ, прячущая свою голову при видѣ опасности, припряталъ свои манипуляціи отъ глазъ читателя, вообразивъ, что не всѣ же догадаются, въ чемъ онъ состоитъ. Но разглядѣть ихъ и догадаться, въ чемъ фокусъ, вовсе не трудно. Въ существѣ дѣла, всѣ факты, на которыхъ ссылается Толстой, относятся лишь къ вѣку апостольскому и только изъ этого вѣка заимствуются; мало того, эти факты обнимаютъ не всю эпоху апостольскую, а приблизительно до смерти апостоловъ Петра и Павла, т. е. до середины 60-хъ годовъ I-го вѣка ¹⁾, а такъ какъ нашъ писатель совершенно не касается эпохи жизни Иисуса Христа и очевидно оставляетъ эту за рамками своего произведенія, то выходитъ, что періодъ времени, подлежащій его изученію здѣсь составляютъ годы отъ смерти и воскресенія Господа до 65 года, т. е. около 35 лѣтъ всего навсего. И вотъ въ это-то до крайности малое пространство времени ему приходится втиснуть исторію цѣлыхъ двухъ стадій развитія: 1) самолучшаго состоянія христіанства и 2) того состоянія его, которое будтобы обнаруживало, что христіанство начинало хирѣть. Предупреждаемъ слушателей, что, рассуждая такъ, мы вовсе не приобѣгаемъ къ софистической манерѣ низведенія мыслей противника къ абсурду (*ad absurdum*):

¹⁾ Ради сохраненія единства въ хронологіи апостольскаго вѣка, мы присоединяемся къ той хронологіи вѣка, которая установлена знаменитымъ библеистомъ, можетъ быть первымъ библеистомъ, Zahn'омъ въ его книгѣ: *Einleitung in das neue Testament* (B. II, Leipzig, 1900. Zeittafel, s. 644—647).

въ этомъ мы не ощущаемъ надобности. И пусть бы еще возможно было найти хоть какую-нибудь грань, раздѣляющую 35-лѣтнее пространство времени на двѣ стадіи, но конечно этого быть не можетъ! Исторія ясно показываетъ, что факты, относимые Толстымъ ко двумъ разнымъ стадіямъ, на самомъ дѣлѣ происходятъ одновременно и являются параллельными; въ доказательство укажемъ, хоть на слѣдующее: ненавистное для Толстого развитіе чудодѣйственной дѣятельности представителей христіанства встрѣчается съ столь достолюбезнымъ для автора общеніемъ въ имуществвахъ (коммунизмъ)—встрѣчается не только въ одно и тоже время въ вѣкѣ апостольскомъ, но даже именно въ самомъ началѣ его въ первые 5 лѣтъ его, да и при томъ можно утверждать, если не станемъ сомнѣваться въ авторитетности книги „Дѣяній“¹⁾, что чудеса предшествовали общенію въ имуществвахъ²⁾ (а это еще хуже для теоріи Толстого); или еще укажемъ на то наблюденіе, что добродѣтельная жизнь первыхъ христіанъ не представляла собой характеристической черты для какой-нибудь одной части апостольскаго вѣка, а наполняла весь этотъ вѣкъ, а потому нѣтъ никакихъ основаній считать ее, какъ дѣлаетъ Толстой, принадлежностію лишь того времени, когда не было еще разсужденій объ обрѣзаніи и вопроса о идоложертвенномъ, ибо добродѣтельная жизнь конечно не изсякла и во время этихъ явленій, о чемъ много и говорить не за чѣмъ. Хронологическій хаосъ, какъ видимъ, окончательно дискредитируетъ теоріи Толстого. Мы даже не можемъ дать себѣ хоть сколько нибудь ясный отчетъ о томъ, да какъ это произошло у Толстого? Неужели знаменитый писатель въ такой мѣрѣ лишенъ логики? Неужели онъ не могъ видѣть, что всѣ факты, на которые онъ ссылается, переплетены между собой въ исторіи и создать на нихъ два противоположныхъ періода можно, лишь отрицая не только историческую методологію, но и требованія простой логики. Въ самомъ дѣлѣ, сначала толстовскому „аду“ слѣдовало разрушиться, а потомъ по-

¹⁾ Во всякомъ случаѣ графъ Толстой долженъ разрѣшить намъ это, ибо свои свѣдѣнія о томъ, что у первыхъ христіанъ „все считалось общимъ“ самъ онъ могъ получить *единственно* изъ кн. *Дѣяній*.

²⁾ Дѣян. 2, 43 (упомяваніе о чудесахъ) и 2, 44 (первое упоминаніе о „общеніи имѣній“).

степенно возстановляться, но изъ приводимыхъ имъ фактовъ выходитъ совсѣмъ не то: разрушается и возстановляется адъ у него одновременно или лучше сказать: адъ еще не разрушился, какъ началъ уже возстановляться этотъ же адъ! *Teneatis risum, amici!*

III.

Намъ остается разсмотрѣть третью и послѣднюю часть историческихъ разсужденій нашего автора касательно дальнѣйшаго хода жизни христіанскаго общества. Здѣсь у него мы находимъ лишь однѣ насмѣшки и глумленія, по адресу всей совокупности обозрѣваемыхъ имъ явленій. Девизомъ этой части его произведенія служитъ одно слово „церковь“, самое ненавистное для слуха его слово. Толстой начинаетъ при этомъ случаѣ свою рѣчь раскрытіемъ вопроса: откуда взялась церковь въ христіанскомъ мірѣ? „Дѣло шло хорошо, разсуждаетъ на этотъ разъ, кажется, не аллегорическій, а дѣйствительный дьяволъ у Толстого,—„но я боялся, какъ бы (зачарованные обманными чудесами) христіане не увидѣли слишкомъ очевиднаго обмана, и тогда я—похваляетъ самъ себя дьяволъ—выдумалъ... церковь. И когда они повѣрили въ церковь, я успокоился, я понялъ, что мы (т. е. дьяволы) спасены“ (значитъ, они спасены церковію, нечего сказать: трогательное дружество, замѣтимъ). А на вопросъ: что же такое церковь, дьяволъ отвѣчалъ слѣдующею невозможною хулою: „а церковь это то, что когда люди лгутъ и чувствуя при этомъ, что имъ не вѣрятъ, начинаютъ ссылаться на Бога и говорить: „ей Богу правда то, что я говорю“. „Это собственно и есть церковь“, замѣчаетъ Толстой ¹⁾.

Остановимся пока на вышеприведенныхъ словахъ несдержаннаго писателя. Прежде всего, замѣтимъ мимоходомъ, что напрасно онъ отрываетъ церковь отъ перваго блестящаго періода христіанской исторіи. Не говоря ужъ о книгахъ евангельскихъ, даже въ посланіяхъ Павла находятся недву-

¹⁾ Беру на себя смѣлость слѣлать поправку къ словамъ автора и сказать: если по сужденію Толстого, „это собственно и есть церковь“, то мы напротивъ должны утверждать, что это собственно жилище „отца лжи“ (Іоан. 8. 44), т. е. безспорно адъ.

смысленныя указанія на полное развитіе церковію своей дѣятельности еще задолго до смерти этого апостола (1 Кор. 12, 12 — 28. Ефес. 5, 23—32). Но не будемъ много останавливаться на этомъ, безъ сомнѣнія умышленномъ, анахронизмѣ, тѣмъ болѣе, что какъ мы уже знаемъ, съ хронологіей не стѣнитъ же считаться такому великому писателю, каковъ Толстой. Обратимся къ оцѣнкѣ приведенныхъ словъ его, по ихъ существу. Что мы, примѣрно, подумаемъ и какъ назовемъ человѣка, который, говоря о какомъ-нибудь общественномъ правовомъ учрежденіи, существующемъ цѣлыя столѣтія и многими, если не всѣми, уважаемомъ, вдругъ сказалъ бы, что это учрежденіе дьявольское? Конечно мы подумаемъ, а пожалуй и назовемъ такого человѣка лишеннымъ всякихъ правилъ приличія. Не то ли же самое имѣетъ право думать и такъ называть Толстого каждый, кто не принадлежитъ къ числу лицъ, падающихъ ницъ предъ этимъ писателемъ, если таковой даже поверхностно вникнетъ въ смыслъ словъ, сейчасъ приведенныхъ и касающихся чего же? происхожденія церкви! Какъ извѣстно, въ Москвѣ существуетъ много разныхъ такъ называемыхъ обществъ: историческое, педагогическое, Россійской словесности, невропатологовъ, велосипедистовъ, гувернантокъ, любителей лыжнаго спорта, даже оффиціантовъ и пр. Теперь представимъ такой случай: кто нибудь, въ присутствіи Толстого, сказалъ бы о членахъ общества оффиціантовъ или велосипедистовъ, что они только и дѣлаютъ, что „лгутъ ¹⁾, а чувствуя, что имъ не вѣрятъ“, беззабѣчиво клянутся: „ей Богу правда то, что я говорю“. Нѣтъ сомнѣнія, сердобольный графъ остановилъ бы такого ругателя и заявилъ бы: „но позвольте, въ этомъ обществѣ есть и лица очень достойныя“. Почему же одна церковь составляетъ для него такое печальное исключеніе? Неужели въ церкви нѣтъ и не можетъ быть достойныхъ всякаго почтенія людей, считающихъ для себя безчестіемъ допустить и малѣйшую ложь? А въ своей совокупности: что такое церковь? Не есть ли это такое учрежденіе, лучше, выше, жизненнѣе, гуманнѣе, универсальнѣе

¹⁾ (Первые когда подають довѣрчивымъ потребителямъ фальсифицированныя напитки, а вторые когда хвалятся своими успѣхами по части излюбленнаго спорта).

и я сказалъ бы: спасительнѣе, если бы такое слово находилось въ лексиконѣ Толстого, — нѣтъ въ мірѣ и быть не можетъ? Мы сознаемся, что наше опредѣленіе церкви пуждается въ разъясненіяхъ и доказательствахъ, въ опроверженіи разнаго рода неправильныхъ представленій о существѣ церкви; но, само собой разумѣется, все это можно сдѣлать или въ отдѣльной монографіи или по крайней мѣрѣ отдѣльной лекціи. Во всякомъ случаѣ возникаетъ тягостный вопросъ: почему Толстой говоритъ о церкви такъ, какъ онъ безъ сомнѣнія не позволилъ бы говорить въ своемъ присутствіи, даже о такихъ корпораціяхъ, которыя руководятся цѣлями слишкомъ несерьезными или формируются чуть ли не изъ такъ называемыхъ подонокъ общества? Какъ бы то ни было, мы приписываемъ такое отношеніе его къ церкви не разуму его, а лишь его чувству, утратившему равновѣсіе. Право, если дадимъ вѣру словамъ Толстого, то придется думать, что церковь поучалась добродѣтели у Горькаго „на днѣ“.

Св. ап. Павелъ называетъ церковь „столпомъ и утвержденіемъ истины“ (1 Тим. 3, 15); а Толстой, какъ бы въ оппозицію апостолу, признаетъ ее наоборотъ, столпомъ и утвержденіемъ лжи. Кому же мы повѣримъ: Павлу или Толстому? Павелъ всему христіанскому міру говорилъ, что „отъ самого Госюда принялъ онъ то, что передалъ“ намъ (1 Кор. 11, 23); графъ же Толстой ничего не говоритъ о томъ, кто внушилъ ему ученіе о церкви, стоя въ противоположеніе Павлову. Съ своей стороны мы считаемъ бесполезнымъ трудомъ разыскивать источникъ подобныхъ его знаній. Для насъ достаточно будетъ помнить одно: что Толстой несомнѣнно „во истинѣ не стоитъ“ (Іоан. 8, 44).

Но продолжимъ разборъ логомахи тогоже писателя касательно церкви. Онъ пишетъ: „люди, признавшіе себя церковію, увѣряютъ, что они не могутъ заблуждаться и потому какую-бы глупость они не сказали, уже не могутъ отъ нея отрѣчься. Дѣлается же церковь такъ: люди увѣряютъ себя и другихъ, что Учитель ихъ—Богъ, во избѣжаніе того, чтобы открытій Имъ (т. е. учителемъ) для людей законъ не былъ перетолкованъ, избралъ особенныхъ лицъ, которыя одни или тѣ, кому они передадутъ эту власть, могли бы правильно толковать ученіе. Выгода этого приѣма (пояснимъ: для царства

діавола) та, что какъ скоро люди сказали про себя что они церковь и на этомъ утвержденіи построили свое ученіе, то они не могутъ уже отречься отъ того, что сказали: какъ бы нелѣпо ни было сказанное и чтобы не говорили другіе люди“. Если мы оставимъ въ сторонѣ рѣзкія выраженія, въ которыя вкладываетъ свои мысли Толстой, то въ существѣ дѣла оказывается, что въ приведенной тирадѣ этотъ писатель, подвергаетъ, какъ ему кажется, неопровержимой критикѣ понятіе о непогрѣшимости церкви. Нужно сказать, въ свѣтскомъ обществѣ можно встрѣчать множество самыхъ неправильныхъ представленій о церкви: одни отождествляютъ понятіе церкви съ понятіемъ іерархіи, священноначальство другіе съ церковнымъ обрядословіемъ, какъ раскольники да и не одни раскольники, третьи даже съ богословской литературою даннаго времени и т. п. Само собою понятно, что съ каждой изъ этихъ точекъ зрѣнія непогрѣшимость церкви представляется какимъ-то мифомъ. Въ самомъ дѣлѣ, іерархія можетъ вести жизнь дурную и по своему развитію стоять много ниже современнаго свѣтскаго общества; обряды же представляютъ нѣчто неустойчивое и измѣнчивое, съ чѣмъ не мирится понятіе о непогрѣшимомъ характерѣ церкви; а богословская литература того или другого времени можетъ быть въ большинствѣ ея и прямо не умна. Я увѣренъ, что Толстой держался ранѣе какого-нибудь вульгарнаго, и слѣдовательно извращеннаго представленія о непогрѣшимости церкви, а потому онъ такъ и возмущается и издѣвается по поводу этого ученія. Если мы ближе вникнемъ въ смыслъ сейчасъ приведенныхъ словъ его, то придемъ къ тому, кажется, безошибочному заключенію, что непогрѣшимость имѣетъ своимъ хранилищемъ, по его представленію, іерархію даннаго времени. Очевидно, онъ рассуждаетъ: всѣ архіереи и священники въ отдѣльности несомнѣнно могутъ впадать въ заблужденія, какъ и прочіе люди. Стѣдовательно и всѣ они, сколько бы ихъ ни было въ данное время, хотя бы они дѣйствовали сообща, наприм. на соборахъ, не могутъ быть органами ученія, которое выдается церковію за непогрѣшимое. Разумѣется, мы не станемъ отказывать такому рассужденію въ логической правильности. И тѣмъ не менѣе, дальнѣйшій выводъ Толстого, что церковь можетъ провозглашать всякую глупость (оставляемъ это неприличное вы-

раженіе на отвѣтственности автора его) и выдавать ее за неизмѣняемую истину—совершенно не вѣренъ. Церковь не говорила, не говоритъ и не можетъ говорить никакихъ глупостей. Мы не думаемъ однакожъ пускаться въ область догматическаго ученія о церкви. Это значило бы объясняться съ Толстымъ на невѣдомомъ для него языкѣ. Какъ раньше, такъ и теперь, въ своихъ раскрытіяхъ будемъ держаться преимущественно рациональнаго пути. Мы не желаемъ, чтобы какой-нибудь толстовецъ (самъ Толстой, конечно, никогда не узнаетъ о томъ, что вотъ я—здѣсь разбираю его тезисы) сказалъ, что мы увилываемъ и переносимъ вопросъ въ сферу, давно оставленную разсматриваемымъ писателемъ и напередъ имъ осуждаемую. Ограничиваю свою задачу полемики съ Толстымъ и объявляю людямъ, слѣпо слѣдующимъ по пятамъ за нимъ, что церковь глупостей никогда не говорила. Мы должны помнить, что разбираемое нами сочиненіе Толстого въ той его части, которая такъ насъ заинтересовала, носитъ характеръ этюда изъ исторіи церкви давняго времени (напр. ни о русской церкви, ни о протестанствѣ, ни о римско-католичествѣ послѣднихъ столѣтій онъ ни слова не говоритъ въ своемъ произведеніи), за періодъ времени никакъ не позже реформации; а когда онъ говоритъ объ ученіи, вырабатываемомъ церковію, то очевидно онъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ классическую эпоху вселенскихъ соборовъ. Но не бойтесь, я не поведу васъ въ лабиринтъ исторіи вселенскихъ соборовъ, это завлекло бы насъ далеко. Вселенскіе соборы важны для Толстого только потому, что они рѣшали догматическіе вопросы и составляли опредѣленія, имѣющія значеніе непогрѣшимаго церковнаго ученія. И нѣтъ сомнѣнія, между этими опредѣленіями онъ мысленно болѣе всего останавливается на символѣ вѣры нашей церкви, этомъ вѣковѣчномъ результатѣ ихъ догматизирующей дѣятельности. Съ вышеуказанной точки зрѣнія Толстого, ему конечно представляется этотъ символъ отнюдь не имѣющимъ характера непогрѣшимости. Однакожъ онъ ошибается. Вселенскіе соборы не извлекали своего ученія изъ умовъ епископовъ, присутствовавшихъ на нихъ; если бы было такъ, то опредѣленія этихъ соборовъ были бы погрѣшительны или относительно непогрѣшительны, смотря по талантамъ и познаніямъ, какими присутствовавшіе здѣсь епи-

скопы отличались. Нѣтъ, епископы здѣсь были только органами, при посредствѣ которыхъ опредѣлялось и возвѣщалось церковное ученіе. Мысль, которую выражало данное ученіе, имѣла всегда при этомъ одинъ и единственный источникъ, непогрѣшимое Новозавѣтное Евангеліе, т. е. совокупность свящ. книгъ, содержащихъ евангельское ученіе; формулировка же ученія, опредѣляемаго вселенскими соборами заимствовалась изъ церковнаго преданія (церковное преданіе можно назвать, замѣчу въ скобкахъ, подсказываніемъ истины, истины, исключительно истекающей изъ св. Писанія). Такъ произошелъ и вселенскій символъ, выработанный на соборахъ. Поэтому онъ заключаетъ въ себѣ непогрѣшимое ученіе, изреченное церковію. Надѣмся, что и графъ Толстой не очень сталъ бы спорить противъ нашихъ разъясненій. И вотъ почему. Знаменитый писатель, какъ извѣстно, воспринялъ на себя необыкновенную задачу возвѣстить міру новое евангеліе. Новое евангеліе возможно выкроить лишь изъ стараго Евангелія, общехристіанскаго Евангелія; такъ и поступаетъ Толстой, что онъ даже и вмѣняетъ себѣ въ великую заслугу. Да будетъ! Но мы осмѣлились бы спросить Толстого: каково его новое евангеліе: заключаетъ ли оно чистое, точное и безошибочное христіанское ученіе или же невѣрное и ошибочное? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ. Если свое евангеліе Толстой признаетъ чистымъ и безошибочнымъ ученіемъ, то—спросимъ—почему оно вышло такимъ: потому ли, что оно истекаетъ изъ непогрѣшимаго ума человѣка, родившагося въ Ясной Полянѣ, или же потому, что оно извлечено изъ совершеннѣйшаго источника? Думаемъ, что онъ не рѣшится утверждать первое, ибо какъ мы уже знаемъ, на обыкновенныхъ людей онъ мало полагается, утверждая, что они при всяческихъ обстоятельствахъ не гарантированы отъ того, чтобы вмѣсто истины провозгласить, по его характеристическому выраженію, глупость. Значитъ, Толстой можетъ отвѣчать на этотъ вопросъ только такъ: безошибочностію нашего новаго евангелія я обязанъ старому Евангелію. Этого съ насъ и достаточно. Если Толстой, имѣя въ рукахъ подлинное Евангеліе, можетъ изрекать вѣрное ученіе, то нѣтъ ни малѣйшаго основанія отвергать, что и церковь, руководясь тѣмъ же Евангеліемъ, обладаетъ способностью—„правильно толковать уче-

ніе“, какъ выражается онъ самъ. Итакъ, ничто не препятствуетъ церкви считать себя самое непогрѣшимою учительницею христіанской истины. Намъ кажется, что для того, чтобы имѣть право отрицать непогрѣшимость церкви, Толстой напередъ самъ долженъ объявить во всеуслышаніе: такъ какъ всѣ люди способны впадать въ заблужденіе, то и я ошибаюсь и заблуждаюсь, принимая на себя роль учителя вѣры. Во всякомъ случаѣ въ этомъ заключеніи Толстого будетъ болѣе неподкупной истины, чѣмъ въ какихъ другихъ его религіозныхъ постановленіяхъ.

Все, что еще говорить Толстой въ своемъ сочиненіи о состояніи христіанской церкви въ ея исторіи, имѣетъ своимъ назначеніемъ нарисовать яркую картину „возстановленія ада“ въ сферахъ церковныхъ, ада, т. е. всякой неправды и жестокости. Это „возстановленіе ада“ произошло, по его мнѣнію, въ церкви и учинено самою же церковію. Впрочемъ въ его разсужденіяхъ здѣсь мало оригинальнаго толстовскаго, а потому мы можемъ быстро обозрѣть нарисованную имъ картину.—По своему обыкновенію, Толстой не разъясняетъ намъ, съ какого времени появились тѣ прискорбныя картины, которыя онъ взялся живописать. Судя потому, что виновницей катастрофы Толстой считаетъ церковь, послѣ того, какъ она выработала, заставившее ее возгордиться, ученіе о томъ, что она преемница власти апостоловъ, а чрезъ нихъ и самого Основателя Христіанства, такъ, судя по этому воззрѣнію нашего писателя, нужно допускать слѣдующее: началомъ крушенія всѣхъ лучшихъ идеаловъ христіанства необходимо считать: или средину III вѣка, когда св. Кипріанъ очень точно сформулировалъ это ученіе, или даже конецъ II вѣка, когда св. Ириней Ліонскій раскрылъ основы того же ученія, конечно опираясь на авторитеты, достойныя всякаго почтенія ¹⁾. И такимъ образомъ выходитъ, что церковь возстановила адъ, вѣроятно уже во II вѣкѣ и въ немъ, этомъ аду, она пребываетъ до настоящаго дня или же, вѣрнѣе, пребывала до появленія въ христіанскомъ мірѣ пятаго, новаго евангелія графа Льва Николаича. (Сеѣ есть спасъ міру!!) ²⁾.

¹⁾ Противъ ересей. Кн. III, гл. 2 (2), гл. 3 (1), гл. 4 (1).

²⁾ Іоан. 4, 42.

Послѣ того, какъ появилось въ древней церкви сейчасъ упомянутое ученіе, лице церкви изказилось, свѣтлый ликъ прежняго христіанства превратился въ мрачную образину, по увѣренію разбираемаго писателя. Если прежде христіане будто бы даже и не сердились другъ на друга, то теперь церковь озлобилась; если прежніе христіане платили добромъ за зло, то теперь церковь стала палачемъ; если прежде христіане не предавались женской прелести, то теперь церковь сама явилась учительницей разврата; если прежде христіане хорошо знали, какъ нужно жить христіанину и точно осуществляли въ жизни вѣрное пониманіе ими своихъ обязанностей, то теперь церковь вмѣсто дѣла занялась догматизирующимъ бездѣльемъ, почитая его за настоящее дѣло христіанское и забыла все то, что такъ хорошо знали раньше, т. е. первые христіане.

Къ счастью, Толстой, повидимому, помнитъ, что съ теченіемъ времени образовались двѣ до извѣстной степени отличныя между собой—церкви: греко-восточная и западная и характеризуетъ ихъ чертами не совсѣмъ одинаковыми. Самые сильные удары, онъ старается, по нашему мнѣнію, нанести западной церкви, а не столь сильные направляетъ противъ церкви греко-восточной.

Характеризуя западную церковь онъ обвиняетъ ее въ гордынѣ, развратѣ, челоуѣконенавистничествѣ, всякаго рода гоненіяхъ и насиліяхъ до огненныхъ казней включительно, въ извращеніи подлиннаго христіанскаго ученія. Мы не считаемъ себя призванными защищать западную церковь отъ обвиненій, возводимыхъ на нее нашимъ писателемъ. Ужъ одна инквизиція чего стоить? Однакожъ, никакъ нельзя отрицать того, что даже въ самыя мрачныя времена средне-вѣковья западная церковь хранила въ себѣ религіозный духъ, такъ ярко отпечатлѣвающійся въ ней и понынѣ. Этотъ духъ возродилъ въ ней Виклефа, Гусса, Лютера и др. Пусть они пошли не туда, куда намъ было бы желательно; но важно то, что западная церковь не подавила въ нихъ лучшихъ стремленій къ свѣту и свободѣ, а создала ихъ. Будемъ и къ ней справедливыми...

Что касается греко-восточной церкви, то Толстой предъявляетъ къ ней слѣдующія обвиненія: онъ ставитъ ей въ упрекъ ея бездѣльничество, именно то, что она, по словамъ

этого автора, усиливалась „знать то, что знать ей не нужно и чего она никогда не узнаетъ“. Во вторыхъ, онъ обвиняетъ ее за то, что она совсѣмъ перестала „думать о томъ, какъ нужно жить“, т. е. если не ошибаемся, обвиняетъ ее, такъ сказать въ отсутствіи принциповъ, и въ шаткости религиозной мысли.

Именно: первѣе всего Толстой говоритъ: Греко-восточная церковь „воображала въ старину, что самое важное дѣло— это знать подробности объ отношеніи между собою лицъ Троицы, о происхожденіи Христа (т. е. хочетъ сказать онъ: о предвѣчномъ рожденіи Сына Божія), о естествахъ Христа, о свойствахъ Бога и т. п.“ Считаю нужнымъ сказать, что я не понимаю, что разумѣетъ авторъ подъ вопросомъ: „о свойствахъ Бога“; такого рода споровъ совсѣмъ не было въ церкви. Но за то совершенно ясно, о чемъ онъ говоритъ, когда упоминаетъ Троицу, естества, происхожденіе Христа. Онъ указываетъ на аріанскіе, несторіанскіе, монофизитскіе и монофелитскіе споры, цѣлыя столѣтія волновавшіе эту церковь. Пусть споры эти не бѣдны картинами печальными; но не эта сторона возбуждаетъ неудовольствіе Толстого; а равно и не то, что результаты этихъ споровъ были не тѣ, какихъ хотѣлось бы Толстому, или кому-либо еще. Съ этихъ сторонъ всѣ эти споры многое множество разъ безпощадно раскритикованы протестантскими учеными. Совсѣмъ не объ этомъ говоритъ онъ здѣсь. Толстой порицаетъ эти споры принципиально. По его мнѣнію, не должно бы быть ни споровъ троичныхъ, ни христологическихъ. Не должно быть споровъ троичныхъ, потому что онъ отвергаетъ бытіе Сына Божія, какъ лица Троицы, и тѣмъ болѣе бытіе Духа св. А если никогда не существовало Сына и Духа, то бесполезно и бессмысленно, съ его точки зрѣнія, стараться выяснить отношеніе несуществующихъ личностей къ личности Бога Отца. Что касается бытія Бога—Отца или точнѣе: Бога, то я не составилъ себѣ точнаго понятія — вѣрить Толстой въ Бога или же отрицаетъ и Его бытіе. Во всякомъ случаѣ его ученіе о Богѣ носитъ характеръ пантеистическій или даже натуралистическій. Но впрочемъ этотъ вопросъ насъ мало интересуетъ въ настоящемъ случаѣ. По равной же причинѣ Толстой недоволенъ существованіемъ въ церкви споровъ христологическихъ. Христосъ, по взгляду Толстого, быть

простой человѣкъ, а потому говорить объ отношеніи въ немъ двухъ естествъ божескаго и человѣческаго не имѣеть смысла; потому что нельзя разсуждать серьезно объ отношеніи дѣйствительно существующаго предмета къ несуществующему. Для того, чтобы доказать, въ противность Толстому, что три лица Троицы дѣйствительно существуютъ, и что Христосъ есть Богочеловѣкъ, мы должны бы доказать достовѣрность евангелій; но это, конечно, заходить за предѣлы нашей скромной задачи.

Но пойдемъ дальше за Толстымъ. Подвергая своему суду исторію греко-восточной церкви, онъ, какъ мы указали раньше, упрекаетъ эту церковь въ безпринципности, въ колеблемости ея религіозной мысли ¹⁾. Должны откровенно сознаться въ этомъ упрекѣ нашего писателя есть доля справедливости. Если оставимъ въ сторонѣ греческую церковь въ строгомъ смыслѣ этого слова, которая въ настоящее время представляетъ собой полумертвеца, такъ что знаменитый пресвящ. Порфирій считалъ себя вправѣ восклицать: „прозрѣніе въ будущность не общаетъ ничего отраднаго и едва ли не постигнетъ церковь восточную таже трагическая судьба, какая постигла Византійскую имперію“ ²⁾, то подъ именемъ греко-восточной церкви нужно разумѣть одну церковь русскую, богатую силами и такъ много общающую въ будущемъ. Но что сказать объ этой церкви? Исполнена ли она того самочувствія, какое должно по праву принадлежать ей? Сознаетъ ли она свои задачи, какъ бы слѣдовало? Познала ли она себя самое? Кажется, не большой секретъ, что въ этомъ отношеніи ей многого не достаетъ. Приведемъ очень интересный фактъ: отъ петербургской духовн. академіи въ теченіе многихъ лѣтъ объявляется конкурсная тема: православная церковь, ея отличія отъ римскаго католицизма и протестанства ³⁾, и вотъ съ годами преміальная сумма воз-

¹⁾ Толстой говоритъ о членахъ этой церкви: „они такъ запутались въ ихъ разсужденіяхъ (по вопросамъ религіи), что сами перестали понимать то, о чемъ говорили.“

²⁾ Вписк. Порфирія. Книга бытія моего. Т. I, стр. 203.

³⁾ Эта преміальная тема петербургскаго митр. Григорія († 1860) собственно требуетъ, „чтобы показано было, что тому образцу истинной церкви, какой предложень въ св. Писаніи, сохранялся въ постоянномъ преданіи и былъ осуществленъ въ древней, нераздѣленной вселенской церкви,

расла до вѣсколькихъ десятковъ тысячъ, а за тему никто не можетъ приняться; значить, въ средѣ церковной интеллигенціи никто не знаетъ поставленнаго вопроса. Не секретъ, кажется, и то, что русская церковь въ разное время испытывала на себѣ вліяніе то церкви римско-католической, то протестантства. Укажемъ для доказательства нашей мысли на немногіе примѣры. Вотъ у насъ подъ руками книга, принадлежащая профессорскому перу, подъ заглавіемъ: „слѣды западно-католическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права“¹⁾. А Никонъ, по мысли котораго въ первый разъ былъ напечатанъ переводъ книги *Donatio Constantini*: своего рода кормчая книга средневѣковаго папства, въ которой русскій патріархъ искалъ для себя *полезныхъ уроковъ*²⁾; а кіевскіе схоласты и Стефанъ Яворскій³⁾; а многія пробы, вызванныя незримымъ вторженіемъ къ намъ католицизма въ XIX столѣтіи (примѣръ: только мудрость Филарета парализовала странную попытку авторизовать на вѣчныя времена греческую біблію въ переводѣ LXX-ти, по подражанію подобной же авторизаціи вульгаты); въ борьбѣ съ протестантскимъ раціонализмомъ мы до сихъ

или церкви семи вселен. соборовъ, соотвѣтствуетъ не другая какая-либо, а именно православная церковь и въ ученіи, и въ устройствѣ, и управленіи“.

1) Книга проф. Н. С. Суворова. Яросл., 1888. Встрѣчается даже мнѣніе, что въ самомъ началѣ русская церковь была римско-католическою (до XII в.). Мнѣніе это приходится разбирать еще и въ настоящее время: Синайскаго А. свящ.—„Разборъ мнѣній о католичествѣ древней Россіи“, стр. 22 и д. Спб. 1899.

2) Въ книгѣ проф. А. С. Павлова: „Сборникъ неизданныхъ памятниковъ византійскаго церковнаго права“ (Спб., 1898) есть обширная глава, подъ названіемъ: „Подложная дарственная грамота Константина великаго папѣ Сильвестру въ греч. и славян. переводѣ“. Грамота эта, по словамъ изслѣдователя, находилась у насъ въ болѣе обширномъ и разнообразномъ употребленіи, чѣмъ у грековъ. Доказательства такого употребленія мы находимъ и въ официальныхъ церковныхъ документахъ, начиная съ XVI в. до самаго конца XVII вѣка (стр. 74). Что же касается Никона, то онъ, при помощи этой грамоты утверждалъ: „русскій патріархъ есть прямой (?) наслѣдникъ всѣхъ (?) преимуществъ, предоставленныхъ Константиномъ римскому папѣ“ (78). Вотъ какъ далеко простирались „папистическія воззрѣнія Никона“! (8С).

3) См. наприм. Милюкова. Очерки по исторіи развитія русской культуры, стр. 151—153. Спб. 1897 (Авторъ говоритъ: „въ московское богословіе проникаетъ и укрѣпляется въ немъ новый элементъ—католическій“).

поръ прибѣгаемъ къ римско-католическимъ авторитетнымъ произведеніямъ. Съ другой же стороны, припомните приправленную протестантскою закваскою дѣятельность Петра I, Теофана, нѣмецкое правительство Анны, Петра III, а изъ истекшаго столѣтія, пожалуй, противоправославный мистицизмъ временъ Александра и „библейское общество“¹⁾ и даже дѣятельность оберъ-прокурора св. Синода Д. А. Толстаго, который по словамъ автобіографіи архіепа. Саввы, покровительствовалъ направленію, враждебно относившемуся къ монашеству и архіерейской власти, а это признакъ протестантизма²⁾; далѣе—для борьбы съ римско-католическою церковію оружіе у насъ заимствуется отъ протестантскихъ авторитетовъ, за неимѣніемъ собственнаго арсенала; да и вообще о богословской русской наукѣ можно сказать: поскоблите нашу богословскую науку и вы найдете протестантскую. Но мы конечно говоримъ это не во осужденіе русскихъ богослововъ. Что же дѣлать, если наука въ спросѣ, а своей еще нѣтъ? ³⁾ Появились у насъ люди, которые преклоняютъ свой слухъ къ тому, что я назвалъ выше, обрядословіемъ, культивируемомъ раскольниками; что они тамъ слушаютъ, я не знаю, но что нибудь да слышатъ же.—А въ области разумѣнія морали что видимъ? Ничего успокоительнаго. Еще на дняхъ происходилъ любопытный споръ, который еще и не окончился, о томъ, что такое монашество? Повидимому, дѣло идетъ о такомъ предметѣ, ко-

¹⁾ Милюкова, 154—155. О дѣятельности „Библейскаго общества“ авторъ замѣчаетъ: въ публичныхъ рѣчахъ высказывалась надежда, что это общество „откроетъ греческой церкви ея заблужденія и скоро создастъ въ Россіи реформацію, какъ того желаетъ и самъ государь“.

²⁾ Автобіографическія Записки, стр. 564. 576. Въ *Богослов. Вѣстн.* за 1903 г.

³⁾ Г. Милюковъ такъ характеризуетъ современную богословскую литературу: „среди традиціонныхъ воззрѣній массы, классическихъ афоризмовъ первоисточниковъ и развитыхъ системъ западной богословской науки—положеніе русской богословской науки довольно затруднительно. Со всѣми этими данными она одинаково должна считаться, но при заранѣе постановленномъ условіи ни съ однимъ изъ нихъ не входитъ въ открытое противорѣчіе (? авторъ хочетъ сказать, что она служитъ и нашимъ и вашимъ, а не чисто научнымъ интересамъ). Положеніе это можетъ длиться такъ долго, какъ долго богословское мышленіе будетъ считаться только допустимой роскошью (*очень вѣрно*) въ области вѣры, а не дѣломъ насущной потребности“ (155—156).

торый у всѣхъ на глазахъ, предметъ, появившемся у насъ чуть ли не одновременно съ принятіемъ христіанства на Руси,—и однакожь вотъ спорять же и будутъ спорить. „Только время съ вами есмь и не позналъ еси мене“ (Іоан. 14, 9). Толстой, какъ мы знаемъ, утверждаетъ, что иногда злой духъ отвлекаетъ вниманіе ученыхъ отъ важнаго и направляетъ его на неважное. Не то ли и здѣсь?

Приведемъ еще разъ и послѣдній разъ слова Толстого, выражающія изучаемые нами взгляды его на церковную исторію. Чрезъ мѣру строго оцѣнивая историческія явленія греко-восточной церкви, онъ пишетъ: споры троичныя и христологическія такъ затмили головы ея членовъ, что „они вовсе не думали о томъ, какъ имъ жить“ (пояснимъ: т. е., какъ сообразовать свое поведеніе съ повелѣніями Христа); имъ не нужно было знать того, что говорилъ Учитель (Христосъ) о жизни“ (т. е. о жизни достойной Его ученія) ¹⁾.

Мы должны сначала припомнить, зачѣмъ говорятъ эти слова. Толстому нужно было указать, что высоконравственная жизнь христіанъ первыхъ временъ, съ „возстановленіемъ ада“ кончилась и вмѣсто нея затѣмъ наступила въ церкви жизнь, достойная „ада“. Не вдаваясь въ подробности, онъ замѣчаетъ: христіане послѣдняго періода исторіи церкви (а періодъ этотъ, по нему, начался чуть ли не съ конца еще II вѣка) „вовсе не думали, о томъ какъ имъ жить“. Что же можетъ быть хуже этого? Выходитъ, по сужденію Толстого, что христіане совсѣмъ и не помышляли о добродѣтельной жизни, а жили, забывъ о Христѣ, какъ Учитель нравственности. Для того, чтобы раскрыть, что слова эти—клевета на православную церковь, намъ слѣдовало бы пересказать здѣсь исторію греко-восточной церкви всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ и въ особенности исторію нашего отечества; но разумѣется это дѣло не возможное. Какъ же поступить? Не ограничиться ли чѣмъ либо малымъ, но такимъ, что близко нашему сердцу ²⁾. Да будетъ же позво-

¹⁾ Въ заключеніе Толстой упоминаетъ о увлеченіи церкви аристотелизмомъ, но такое явленіе почти неизвѣстно было на Востокѣ, а развилось оно на западѣ. Упоминаетъ онъ объ этомъ такъ сказать по ассоціаціи идей, ибо выше у него рѣчь идетъ о такъ называемой „интеллектуализмѣ“ въ греческой церкви.

²⁾ Нижеслѣдующія страницы написаны авторомъ много позже предъ-

лено мнѣ, въ присутствіи москвичей, коснуться хоть исторіи Москвы, какъ города христіанскаго, не всей исторіи, а лишь самага незначительнаго края этой исторіи. Напомнимъ имена тѣхъ дѣятелей нашего города, плоды христіанскаго ревнованія которыхъ *мы видимъ и теперь*, а также имена тѣхъ дѣятелей, память о которыхъ *живо еще хранитъ* благодарное потомство. Полагаемъ, что послѣ этого не трудно уразумѣть, о какихъ временахъ жизни Москвы мы хотимъ повести рѣчь? Москва имѣла въ указанный періодъ ея жизни цѣлый рядъ великихъ святителей. Почти невольно припоминаются: митрополитъ Платонъ, проникновенный церковный витія и вѣроучительный іерархъ; м. Филаретъ—этотъ Григорій Богословъ XIX вѣка, краса русской церкви, по глубинѣ его природы его называютъ мудреною „загадкою“, но правильнѣе назвать его чудомъ вѣка, въ душѣ его сочетавались воедино и необычайный умъ и трогательное смиреніе, при чемъ нельзя рѣшить: чего у него было больше? М. Иннокентій, апостоль Сибири, создавшій общество въ Москвѣ, которое сдѣлало его неусыпающимъ и неумирающимъ миссіонеромъ не только русской отчизны, но и чужихъ краевъ; м. Макарій, великій христіанскій книжникъ святой Руси. Дозволимъ себѣ напомнить имена двухъ преосвященныхъ викаріевъ, дѣятельность которыхъ не скоро забудется; разумѣемъ преосвященныхъ Амвросія, который своими краснорѣчивыми поученіями на темы, вызванныя самою жизнію столь же перемѣнчивою, сколь и дерзкою, вразумлялъ „имѣющихъ уши слышать“: „како опасно ходите“ (Еф. 5, 14), и немногослаголиваго Алексія (Лаврова), жившаго исключительно для другихъ и не знавшаго, что значить жить для самого себя. Наряду съ святителями не могу не упомянуть имени одного несвятителя, не святителя впрочемъ по своей доброй волѣ, какъ и преп. Сергій. Говорю о покойномъ ректорѣ Моск. дух. Академіи А. В. Горскомъ, который, оставаясь въ міру, носилъ на себѣ ангельскій образъ; это былъ одинъ изъ тѣхъ подлинно младенцевъ до преклоннаго возраста, о которыхъ сказано: „тацѣхъ бо есть царствіе Божіе“ (Мр. 10, 14); онъ умѣлъ творить только доброе и никогда и никому противоположнаго.

идущихъ и имѣютъ въ виду другой кругъ слушателей, чѣмъ для ка-кого первоначально назначались эти лекціи.

Перейдемъ къ другимъ примѣрамъ. Кому изъ насъ могутъ оставаться неизвѣстными такія имена, громкія ради прошедшаго и часто припоминаемья и напоминаемья ради настоящаго времени, какъ Голицыны, Шереметевы, Куракины, Толстые, Демидовы, Горихвостовы, Мухановы, Еремѣевы, Солодовниковы, Морозовы, Фирсановы, Бахрушины, Лямины, Алексѣевы, Третьяковы, Медвѣдниковы, Базановы, Рукавишниковы и др.—все имена, съ которыми соединяется представленіе о храненіи христіанской заповѣди касательно любви къ ближнимъ ¹⁾. Всѣ названныя и многія другія лица созидали и украшали дома Божіи, настроили убѣжища и прибѣжища для неимущихъ, бездомныхъ, престарѣлыхъ, слѣпыхъ, болѣющихъ, алчущихъ, несытыхъ, умоповрежденныхъ, незаконнорожденныхъ, жаждущихъ науки, ищущихъ невинныхъ и чистыхъ наслажденій или требующихъ благовременнаго исправленія и т. д. Благодаря похвальной щедрости общественныхъ благотворителей Москвы воздвигнуты дивныя зданія, не уступающія по своему великолѣпію дворцамъ. Будь сооружены такія же зданія въ древнія времена въ христіанскихъ городахъ: Римѣ или Византіи, Александріи или Карфагенѣ, Антиохіи или Медиоланѣ, Ефесѣ или Ліонѣ, о нихъ составлены были бы панегирическія повѣсти тогдашними писателями; подобная щедрость тогда считалась доступною лишь для царей. Мы было—забыли упомянуть имя Ѳ. П. Гааза, московскаго врача, знаменитаго филантропа; онъ могъ бы оставить послѣ себя миллионъ рублей, какъ это дѣлаютъ доктора текущаго времени, но Гаазъ, умирая нищимъ, вмѣсто того оставилъ послѣ себя на страницахъ исторіи Москвы и горячую благодарность и еще болѣе цѣнное достояніе—прочную память въ миллионѣхъ сердець. Дѣйствительное имя Ѳедора Петровича всецѣло забыто было

¹⁾ Если бы мы встрѣтили возможный упрекъ въ неумѣстности упоминанія здѣсь лицъ еще здравствующихъ, то мы стали бы искать покровительства у Л. Н. Толстого. Въ книгѣ: „мысли мудрыхъ людей на каждый день, собранныя Л. Н. Толстымъ“ (М. 1903), подъ 14 іюля читаемъ: „Если человекъ заслуживаетъ похвалы, старайтесь не отказывать ему въ ней, иначе вы рискуете не только отклонить его отъ надлежащаго пути, лишая его поддержки и одобренія, въ которыхъ онъ нуждается, но и сами лишитесь лучшаго преимущества—воздать человеку должное за его трудъ“.

еще при его жизни: всѣ знали только „святого доктора“, какъ онъ и назывался всѣми москвичами. Гаазъ—это былъ истинный христіанинъ, преподававшій уроки благочестія самому Филарету, который принималъ эти уроки со смиреніемъ, составлявшимъ одну изъ характеристическихъ чертъ великаго святителя.—Чувствую, что быть можетъ кто нибудь изъ моихъ слушателей въ простотѣ души скажетъ: вы хотѣли говорить о церкви, а говорите больше не о ней, а о мірянахъ. Если у кого изъ васъ, м. г., мелькнетъ въ головѣ такая мысль, то она можетъ родиться только отъ простоты души. Базановы и Рукавишниковы, возьмемъ этотъ примѣръ—такіе же члены св. церкви, какъ и архіереи и докторъ богословія. Правда, они не стоятъ возлѣ кормила церковнаго; но за то Базановы и Рукавишниковы, облечены въ своей сферѣ такой властію, какой часто лишено священноначальство: они могутъ и умѣютъ помочь тысячамъ нищихъ и исправлять сотни тѣхъ несмысленныхъ преступниковъ, за души которыхъ въ грядущія времена должна дать отвѣтъ церковь...

Напрасно Толстой зловѣщаетъ, что христіанство первыхъ вѣковъ потомъ извратилось и совершенно прешло. Думаемъ, что мы не скажемъ парадокса, если станемъ утверждать, что есть даже многія нити, нити скрытыя или явныя, связующія великій сонмъ вышеизчисленныхъ нами лицъ, служившихъ и служащихъ на пользу и во благо христіанскаго народа, да и не одного христіанскаго—есть—говорю—многія нити, связующія этихъ и подобныхъ людей съ достославнымъ вѣкомъ апостольскимъ—съ Петромъ, Павломъ, Іоанномъ, Аполлосомъ, благословенной четой Акилы и Прискиллы, съ Лукой „возлюбленнымъ врачомъ“ и художникомъ, Маріей, матерью евангелиста Марка, Филимономъ, Фивою кенхрейскою, Гаіемъ, Епафродитомъ, съ лучшими людьми изъ числа галатовъ, коринтянъ и филиппійцевъ ¹⁾.

¹⁾ Мы не должны были бы приходить въ сокрушенія и въ томъ случаѣ, если бы нашли, что въ наше время, по сравненію съ апостольскимъ, появилось много пороковъ, много недостатковъ. Ибо, по сужденію нашего знаменитаго историка А. В. Горскаго, этого именно и должно ожидать. Онъ возвѣщаетъ: „напрасно хотятъ подчинить возрастаніе церкви общему ходу человѣчества: оно (человѣчество) снѣтъ къ своему видному совершенству, а сія умалается и сокращается, такъ что въ концѣ

Да, вѣдь, такъ и должно быть въ тѣхъ, кто не одними глазами читаетъ Евангеліе и не одними ушами пріемлетъ его. Мы раздѣлены отъ вѣка апостольскаго пространствомъ времени, но составляемъ однакожь съ нимъ, по выраженію писателя книги „Дѣяній“ „одно сердце и одну душу“ (4, 32), и какъ въ тѣ отдаленныя времена, по словамъ того же писателя: „давалось каждому, въ чемъ кто имѣлъ нужду“ (—35), такъ же поступаетъ и наша московская церковь. Между нашимъ вѣкомъ и вѣкомъ апостольскимъ нѣтъ того разрыва, который придумалъ Толстой, желая подъ этимъ предлогомъ выступить въ качествѣ реформатора церкви. (Какъ счастлива ты, Москва, что въ тебѣ продолжаетъ горѣть духъ Петра, Павла, Іоанна, Аполлоса, Луки, вышеупомянутой Маріи, Филимона, Фивы Кенхрейской, Гаія и „всѣхъ святыхъ“ (2 Кор. 13, 12) апостольскаго вѣка!

Но добавлю: и графъ Толстой, этотъ то же москвичъ, москвичъ—домовладыка изъ Хамовниковъ, одной изъ самыхъ типичныхъ окраинъ нашего города, также можетъ находить себѣ прототипъ въ вѣкѣ же апостольскомъ, столь поучительномъ и въ тоже время богатомъ контрастами идей, чувствъ и направленій. Мнѣ кажется, не будетъ грѣха, если позволимъ себѣ проводить прямую связующую линію между Львомъ Николаевичемъ и тѣми аѳинскими языческими лжефилософами, которые, по словамъ книги „Дѣяній“, услышавъ всенародную проповѣдь апостола Павла о воскресеніи мертвыхъ „насмѣхались“ и конечно иронически говорили: „объ этомъ послушаемъ въ другое время“ (Дѣян. 17, 32); а равно можно усматривать связь между проповѣдью Толстого и тѣми безумными христіанами изъ числа коринтянъ, которые дерзали говорить: не будетъ „воскресеніе мертвыхъ“ (*ὅτι ἀνάστασις νεκρῶν οὐκ ἔστιν*) (1 Кор. 15, 12). Полагаемъ, что этими сопоставленіями мы нимало не оскорбляемъ графа, потому что онъ во всеуслышаніе возвѣщаетъ о своемъ от-

времени лжеименный разумъ, обогащающійся непрестанно новыми успѣхами и открытіями въ мнимой области истины, сядетъ въ храмъ Божіемъ какъ Богъ (2 Сол. 2, 4). Любы же за умноженіе беззаконія со-
всѣмъ изсякнетъ“ (Истор. церкви апостольск., стр. 404). Къ счастью, мы можемъ сказать, что хотя лжеименный разумъ и дѣлаетъ значительные успѣхи въ наши дни, но за то „любы“ едва ли ослабѣваетъ: еще много людей помнитъ заповѣдь о любви еѣ ближнему.

рицательномъ отношеніи къ христіанскому догмату о воскресеніи мертвыхъ. Мало того: Толстой самъ себя отлучаетъ и отрѣшаетъ отъ общенія съ великимъ сонмомъ святыхъ мужей апостольскаго вѣка. Характеристическою чертою этого вѣка Толстой считаетъ то, что тогда христіане „не сердились другъ на друга“. Но такъ ли поступаетъ онъ самъ? Совершенно наоборотъ. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, въ которыхъ онъ выступаетъ въ роли религіознаго учителя, какъ это достаточно видно и изъ свойствъ разбираемаго сочиненія его, онъ обнаруживаетъ непримиримую, совершенно непонятную ненависть къ церкви, т. е. къ великому множеству людей, въ частности къ русскимъ богословскимъ писателямъ, но вѣдь и они люди, и къ лицамъ, составляющимъ русское священноначальство, но опять, вѣдь и они тоже люди. Читая эти сочиненія Толстого, ясно понимаешь, что *пропасть велика утвердися* (Лук. 18, 26) между нимъ и святыми мужами вѣка апостольскаго. И эта пропасть создана имъ самимъ. „Ненавидяй брата своего во тьмѣ есть, и во тьмѣ ходитъ и не вѣсть камо идетъ, яко тьма ослѣпи очи ему“ (1 Іоан. 2, 11). „Научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ“ (Мѣ. 11, 29). Спрашивается теперь: возстановляла ли наша церковь когда нибудь адъ? Напротивъ, не графъ ли принялъ на себя эту человѣкоубійственную задачу (Іоан. 8, 44), ненавидя противъ ближнихъ и научая другихъ дѣлать тоже? Какъ извѣстно, высшая духовная власть нашей церкви предупредительно возвѣстила Толстому, что для него закроются двери горняго Іерусалима, если онъ не исправитъ себя искреннимъ раскаяніемъ, но, по человѣческимъ соображеніямъ, надежды на это послѣднее нѣтъ никакой.

Это было въ годъ кончины приснопамятнаго Филарета. Въ Моск. Дух. Академіи происходилъ такъ называемый публичный экзамень, на который прибылъ и этотъ святитель въ послѣдній разъ въ своей жизни. Наступила очередь экзамена по философіи; эта наука преподавалась на первомъ курсѣ, въ составъ котораго входилъ тогда и я, въ качествѣ питомца Академіи. Къ экзамену по философіи приготовленъ былъ студентами трактатъ: матеріализмъ и его разборъ. Ми-

трополить внимательно прослушалъ весь трактатъ, а потомъ обратившись къ профессору философіи Кудрявцеву, извѣстному ученому, занимавшему въ то время катедру названной науки въ Академіи, сказалъ: „не понятно, какимъ образомъ такія пустыя мысли могутъ прельщать здравомыслящихъ людей“? Что отвѣтилъ профессоръ—не знаю, если только отвѣтилъ. Въ настоящій разъ мною сдѣлано изложеніе мыслей графа Толстого, поскольку онѣ нашли себѣ мѣсто въ одномъ изъ его сочиненій. Мои слушатели, прослушавъ это изложеніе, пожалуй въ свою очередь скажутъ: какимъ образомъ такія неосновательныя мнѣнія, какъ*разобранныя нами мнѣнія Толстого, могутъ находить себѣ такое широкое пространство въ обществѣ: вѣдь, каждый изъ моихъ слушателей замѣтилъ, что неосновательность этихъ мыслей такъ сказать сама бросается въ глаза. Что отвѣтить на этотъ вопросъ—не знаю. Должно думать, что у многихъ нашихъ современниковъ, говоря евангельскими словами: „глаза отяжелѣли“ (Мѡ. 26, 43), „спящимъ же челоуѣкомъ* прииде врагъ и всѣя плевелы посреде пшеницы, и отиде“ (—13, 25), т. е. самъ спрятался. И къ сожалѣнію, кажется, нѣтъ такого вздора, какой не могъ бы встрѣтить себѣ приѣма у насъ; извѣстно, что очень недавно появилась секта, которая стала воздавать божеское поклоненіе высокоуважаемому Кронштадскому пастырю, о. Іоанну Сергіеву, поставляя его портретъ рядомъ съ иконой Спасителя. Одною, только трудно дожидаться у насъ: искренней, безъ всякаго лицепріятія, и откровенной общественной протестаціи тамъ, гдѣ нашлись бы для нея и честь и мѣсто.

А. Лебедевъ.
